

Григорий Петрович Данилевский

Стория о Господе и о земле

Григо́рий Петро́вич Даниле́вский (14 (26) апреля 1829, село Даниловка, Изюмский уезд, Слободско-Украинская губерния — 6 (18) декабря 1890, Санкт-Петербург) — русский и украинский писатель и публицист, автор романов из истории России и Украины XVIII–XIX веков.

Родился в богатой дворянской семье харьковского помещика, отставного поручика Петра Ивановича Данилевского (1802–1839). По семейным преданиям, подтверждённым, впрочем, и серьёзными документами, основателю этого дворянского рода, Даниле Данилову сыну в 1709 году выпала честь принимать в своём доме Петра I, возвращавшегося из Азова в Полтаву. Двоюродная сестра писателя, Ефросинья Осиповна Данилевская, приходилась бабушкой поэту Маяковскому.

Григорій Данилевскій
Сторія о Господ❖ и о земл❖

(Къ воспоминаніямъ о Гоголѣ).

Осенью 1851 года, Гоголь въ разговорѣ со мной въ Москвѣ о собираніи народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, преданій и былинъ, спросилъ меня, слышалъ ли я когда-нибудь любопытную украинскую легенду о томъ, какъ Господь создалъ землю? — На мой отвѣтъ, что этого мнѣ не удавалось слышать, онъ сказалъ: «Интересно было бы найти и записать эту легенду. Въ моей памяти осталось, о ней кое-что, совершенно отрывочное и смутное; а надо думать, что у народа объ этомъ сохранилась цѣлая, своеобразная космическая поэма. И если теперь, когда забывается многое, слышанное отъ дѣдовъ, трудно найти эту легенду цѣликомъ, то хорошо было бы записать ее хотя бы по частямъ». — На мой вопросъ, что же именно осталось у него въ памяти изъ этой легенды, — Гоголь отвѣтилъ: «Не спрашивайте; такъ, какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что-то тутъ, помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличень, и только...»

Послѣ смерти Гоголя, я не разъ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ и, въ

разъѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, тщетно допытывался о занимавшей его легендѣ. Тѣ, кого я о ней спрашивалъ, отзывались невѣдѣніемъ. И вотъ, однажды, совершенно случайно, мнѣ удалось услышать простодушный народный разсказъ не только о томъ, какъ Господь сотворилъ землю, но и какъ онъ потомъ, въ видѣ нищаго, ходилъ по ней, — спасать грѣшныхъ людей. Я тогда же записалъ и переслалъ слышанное М. А. Максимовичу, извѣстному собирателю украинскихъ преданій, вскорѣ потомъ, къ сожалѣнію, умершему. Что сдѣлалъ послѣдній съ моимъ разсказомъ и куда попали его бумаги, — между которыми могъ сохраниться и записанный мною разсказъ, — мнѣ неизвѣстно.

Перебирая недавно свои старые, письменные матеріалы, я среди нихъ нашелъ черновой набросокъ слышанной мною легенды. Привожу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ я тогда его записалъ.

* * *

...Это случилось въ половинѣ апрѣля, во время половодья, у Екатеринослава. Мнѣ при-

шлось долго ожидать переправы черезъ Днѣпръ. Былъ канунъ Пасхи, — вечеръ страстной субботы. Стояла бурная, студеная погода. Вздувшаяся рѣка несла бѣлогривыя, пѣнистыя волны. По небу стремительно бѣжали сѣрыя, разорванныя клочками, облака. Изрѣдка срывался дождь, косыми полосами застилая окрестность. Смеркалось.

Кучка перезябшаго народа, съ котомками и топорами, пробиравашагося на другой, едва видный въ туманѣ берегъ, сидѣла у лоцманскаго куреня. Иные, грѣясь у костра, толковали и спорили, будетъ ли еще къ ночи, съ той стороны, паровой баркасъ или на веслахъ паромъ; другіе молча и сумрачно глядѣли на рѣку, въ неоглядномъ разливѣ катившую опустѣлыя, хмурыя воды.

Высокій, сѣдой и загорѣлый, коротко-стриженный лоцманъ, съ длинными бѣлыми усами, въ высокихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи короткой сѣрмягѣ, расхаживаль по берегу, то подкладывая щепокъ и хвороста въ костеръ, то ворча на волны, хлеставшія въ бока его сторожевой лодки, привязанной, у песчанаго берега, къ вербѣ.

— А что, паноче, не погрѣлись бы въ курень? — сказалъ, подойдя ко мнѣ, съ иззябшимъ и намокшимъ лицомъ, лоцманъ:— переправы сегодня уже не будетъ.

Я вошелъ въ курень, гдѣ сохранялась моя ручная поклажа, улегся на солому и, отъ сильной усталости, скоро заснулъ...

Долго ли я спалъ, не помню. Меня разбудили какіе-то голоса. Я прислушался. Подъ куренемъ снаружи разговаривали двое. Кто-то спрашивалъ; ему отвѣчалъ другой. Въ послѣднемъ я узналъ густой и басистый голосъ лоцмана. Приподнявшись на локоть, я взглянулъ въ отверстіе куреня. Буря смолкла; вѣтеръ затихъ. Ночь была на исходѣ. Прояснившееся небо сверкало тысячами звѣздъ. Съ вечера, — когда я заснулъ, — очевидно, изъ города приплывало что-нибудь сюда, такъ какъ ожидавшихъ переправы здѣсь уже не было видно. Берегъ опустѣлъ. Съ лоцманомъ, пустившимъ меня въ курень, разговаривалъ кто-то изъ подошедшихъ позже.

— Боже милостивый, Боже правый, — слышалось изъ-за куреня: шестой десятокъ живу... день-деньской маешься, всѣ ноженьки

отобьешь; а пришелъ, вотъ и домъ, рукой, кажется, подать, въ церквахъ божіе служеніе, всякъ разговѣтся поспѣшаетъ, а самъ когда попадешь? Ты говоришь — конь; былъ, да покрали. Ну, и ходи... И все вода, вода! гдѣ ея нужно людямъ, въ степи, тамъ нѣту, а тутъ — сущій потопъ.

— Изъ воды, друже, Господь и землю сотворилъ, — возразилъ голосъ лоцмана: не будь воды, не было бы и земли!

— Ну?! — удивился путникъ: какъ же такъ изъ воды? то вонъ что, житкое, а то земля...

— А также... Про то люди старые знаютъ; есть такая сторія.

— Какая же она такая сторія?

— Про Господа и про землю.

— Расскажи, Андрій Петровичъ.

Лоцманъ помолчалъ.

— Прежде, споконь вѣку, — сказалъ онъ: — вездѣ была одна, какъ есть, вода. Богъ леталъ надъ тою водою, а за нимъ его главный, вѣрный ангелъ. И сказалъ Господь ангелу: нырни на дно, захвати въ горсть илу; пора быть землѣ. Ангелъ нырнулъ, долго былъ подъ водою, а какъ выплылъ, едва перево-

дить духъ; говорить: «не досталь, Господи, дна; очень глубоко!» — «Нырни еще разъ!» — Опять нырнулъ ангелъ, былъ подъ водою еще долѣе, и досталь илу. Началь Богъ сѣять землю. Куда, на восходъ солнца, ни кинеть, — тамъ становятся горы, долины, поля. Такъ онъ леталь и сѣяль; а на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выростали травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. «Что это у тебя?» — спрашиваетъ Богъ. — «Ошкрябнулся, Господи, какъ нырять». — Стало благословиться на свѣтъ; взошло и покатилося по небу солнце. Былъ первый на свѣтъ день. Оглянулся Богъ, передъ вечеромъ, и видитъ, ангелъ изъ-за губы тоже вынимаетъ что-то кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя. — «Что это ты дѣлаешь, позади меня?» — спросилъ Господь ангела. Тотъ молчитъ. — «Признайся, ты укралъ илу, утаилъ отъ меня?» — Ангелъ клянется, что не кралъ и не утаилъ. — «Ну, будь же ты, — сказалъ Господь: не моимъ первымъ

и вѣрнымъ ангеломъ, а сатанииломъ, и чтобъ тебѣ, отъ сего часу, опочину не было, до конца вѣка и земли!»

Богъ полетѣлъ выше и дальше, на восходѣ солнца, а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрыя люди и земли, а отъ дьяволова — злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана, съ своими подпомощниками, больше и держится надъ водою, въ омутахъ, у мельницъ и у переправъ; водяные — то все его дѣти.

— А кто ихъ видѣлъ? — усомнился собесѣдникъ: можетъ, оно и не такъ...

— Были такіе... Вотъ хоть бы мой батько, — царство ему небесное, — видѣлъ, да не одного, а двухъ водяныхъ, мододшаго и старшаго.

— Гдѣ онъ ихъ видѣлъ?

— То было давно. Батько тоже держалъ перевозъ, только не тутъ, а въ Никополѣ. Погода, — рассказываетъ, бывало, — стояла тогда еще хуже, — дождь и буря, да такая, что онъ черпалъ, черпалъ воду изъ челна, да и руки опустилъ. И вдругъ видитъ, передъ нимъ выросъ незнакомый, черномазый такой человекъ, не то мѣщанинъ изъ города, не

то приказный фертикъ. Дождь сыпалъ, какъ изъ рѣшета, а тотъ черномазый подошелъ чистый и сухой, точно съ иголки снятый, — «Добрый вечеръ, старче, — говоритъ: перевези, будь ласковъ, на ту сторону». — «Да какъ же везти, — отвѣтилъ батько: въ такую темень, не то, что я, самъ чортъ тебя не переправить, не намочивъ хвоста». — Черный усмѣхнулся. — «Не бойся, — говоритъ, — со мною не замочишься!» — Батько видитъ, буря, дождь еще сильнѣе, а черный стоитъ сухой, какъ порохъ, сапоги такъ и блестятъ, и еще пыль съ нихъ палочкой онъ сбиваетъ. Перекрестился батько и сталъ развязывать лодку; возился, копался, никакъ не раскрутитъ узла. Оглянулся, а возлѣ него уже не одинъ, а двое; откуда-то взялся еще сивенькій дѣдокъ, весь въ тинѣ, съ зеленою бородою и кнутикомъ. — «О чемъ, спрашиваетъ, толкуешь, рыбаچه?» «Да вотъ, человекъ просится на тотъ бокъ; только боюсь, не скупаться бы въ такую бурю и тьму». — Дѣдокъ посмотрѣлъ на фертика, да какъ крикнетъ: «А? такъ это ты? шебарда-барда! а на свое мѣсто, — пьяницъ въ шинки таскать, — не

знаешь?» — и ну его чесать кнудомъ по бокамъ... Черный въ воду, дѣдъ за нимъ, и побѣжали оба, въ перегонку, по Днѣпру, точно по полю... То и были водяные!.. Шебарда!.. Съ тѣхъ поръ и батьку такъ всѣ и прозвали шебардой.

— Такъ, выходитъ, — отозвался голосъ за курунемъ: гдѣ сѣялъ сатана, тамъ уже только грѣшные люди и земли?

— Такъ оно было и долго, пока милосердный Господь опять спустился съ неба и сталъ нищимъ ходить по землѣ.

— Для чего нищимъ?

— Узнать, кто праведный, кто грѣшный, какъ люди живутъ и кому что воздать по дѣламъ.

— Расскажи, на милость... Сколько живу, немало внукамъ рассказывалъ, а про такое, о, Господи, не доводилось слышать.

Лоцманъ всталъ, подложилъ щепокъ въ костеръ и опять сѣлъ.

— Ходилъ это Богъ, съ апостоломъ Петромъ, — сказалъ онъ: оба пѣшіе, съ котомками и клюками, какъ старцы-нищунуны. И пришли они разъ, противъ ночи, въ большое село. Ви-

дять, стоитъ новая, богатая хата. Петръ и говоритъ:-«Господи! мы въ конецъ изморились, — попросимся тутъ ночевать». — Богъ отвѣтилъ: «Богачъ даромъ не пуститъ, еще заставитъ утромъ молотить снопы». — «Такъ пойдемъ на постоялый». — «И туда не слѣдь, — сказалъ Господь: тамъ навѣрное много всякаго народа; кто-нибудь хмѣльной еще чоботомъ подъ лавку подопхнетъ.»- Не послушался Петръ, пошелъ въ хату къ богатому. Тотъ говоритъ:- «Пока жены нѣту дома, заходите, ложитесь за печкой, въ углу; жена у меня бѣдовая, гуляетъ въ гостяхъ; а можетъ, какъ вернется, и не замѣтитъ». — Господь улегся за печкой, подальше къ стѣнѣ, а Петръ скраю, кнаружи. Середь ночи возвратилась жена, да хмѣльная. Напустилась, спьяну, на мужа:- «Такой-сякой, пускаешь всякихъ бродягъ!» — Ухватила метлу и давай ею стегать по спинѣ праведнаго Петра. Умаялась, заснула. Лежить, охаетъ Петръ:- «Господи, когда бы уже скорѣе, разсвѣло!» — Рано утромъ старцы встали, поблагодарили хозяина и ушли. Имъ на встрѣчу мужикъ изъ шинка, а изъ церкви попь. — «Боже правый, — говоритъ мужикъ:

еле бреду, упился, хоть вались!» — А попъ говоритъ:- «Вотъ до бѣса было дѣтей въ церкви! руки отбилъ, ихъ причащаючи.» — И сказалъ Богу Петръ:- «Такая-то правда на свѣтѣ; мужикъ пьянъ и поминаетъ Господа, а попъ, только что причащаль, поминаетъ бѣса!» — «Молчи, — сказалъ Господь: не то еще услышишь и увидишь.» — Ходили они цѣлый день, къ ночи зашли на хуторъ. Тамъ жила бѣдная вдова. Хатенка у нея такая, что въ ни стать, ни сѣсть; сама хозяйка хвораая лежитъ, а дѣтей куча, да все маленькія, — ползаютъ, пищатъ вокругъ нея. Обрадовалась вдова гостямъ; встала черезъ силу, затопила печку, достала въ торбочкѣ послѣдней муки, наварила варениковъ, накормила гостей, чѣмъ Богъ послалъ, и уложила ихъ спать на палатяхъ, а сама съ дѣтьми легла на земь, подъ лавку. Отдохнули старцы, поблагодарили утромъ хозяйку и ушли. Идутъ полемъ. Смотритъ Петръ, надъ Богомъ летитъ бѣлое, кудрявое облако; то былъ съ крыльями серафимъ. И говоритъ Богъ серафиму:- «Лети вонъ на тотъ хуторъ, гдѣ мы ночевали, — тамъ живетъ праведная, убогая вдова; вынь изъ нея и при-

неси мнѣ ея душу!» — Серафимъ полетѣлъ и воротился одинъ. — «Не могу, — говоритъ, — Господи! рука не поднялась! жалко бѣдной вдовы; дѣти такъ пищатъ и ползаютъ вокругъ нея, что приступу нѣтъ! что будетъ съ малыми дѣтьми, какъ возьмемъ у нея душу?» — «И правда, Господи, — сказалъ Петръ: какъ ее не пожалѣть! Она такъ ласково насъ приняла и накормила; дай ей, милостивый, пожить, хоть нѣсколько годковъ, пока дѣти подрастутъ!» — Господь отвѣтилъ: — «Слушай Петре! ты еще не все знаешь, не все видишь! Узнаешь и увидишь послѣ. А теперь иди вонъ въ тотъ лѣсъ; тамъ стоитъ хата — еще хуже, чѣмъ у той вдовы, — дырявая и нетопленная, — и въ ней живетъ такая старая старица, что отъ старости совсѣмъ поцвѣла и мохомъ поросла. Коли она согласится теперь же помереть, дамъ той вдовѣ жизни, — она еще поживетъ на землѣ для своихъ дѣтей!» — Отправился Петръ, нашелъ непокрытую дырявую хату и въ ней старуху, — «Здорово, — говоритъ, — бабуся!» — «Здоровъ будь и ты!» — «Тяжко тебѣ, бабуся, жить тутъ одной?» — «Охъ, тяжело!» — «Такъ ты бы, бабуся, лучше

померла!» — «Эге, — говоритъ старая: умирай лучше ты самъ; только еще лѣто подошло, солнышко пригрѣло, цвѣтики зацвѣли, а ты о смерти!» — Доложилъ Господу Петръ. — «Ну, теперь видишь?» — сказалъ Господь, и велѣлъ серафиму летѣть ко вдовѣ. Тотъ махнулъ крыльями, зашумѣлъ, понесся, вынулъ и принесъ Богу душу вдовы. — «Пусти ее въ рай — сказалъ Господь: — она лучшее мѣсто заслужила!» — И полетѣла праведная душа въ рай; малыя дѣти осиротѣли. Удивился Петръ и осмѣлился укорить Бога: — «Не по правдѣ, Господи, ты рѣшилъ!» — «Не по правдѣ?» — спросилъ Господь: «хорошо же; пойдемъ на судъ къ тому, кто не покривитъ душой, къ праведному Семіону!» — А тотъ Семіонъ долго былъ судіей, состарился и сказалъ людямъ: «Ни сильному, ни богатому я не угождалъ; а вы все думали, что я потакалъ зажиточнымъ, да своимъ. Хотите, чтобъ я васъ еще судилъ, выжгите мнѣ глаза!» — Люди подумали, потолковали и согласились. Ослѣпъ Семіонъ. Петръ взялъ серебряный дукатъ, а Богъ хлѣбъ, и пошли къ Семіону. Сидитъ слѣпецъ за столомъ и спрашиваетъ: — «Что вамъ, доб-

рые люди, надо?» — «Мы пришли къ тебѣ,- говоритъ Петръ: разсуди наше дѣло!» — и подсунулъ слѣпому дукать. Семіонъ ощупаль его и отодвинулъ по столу и прочь. Богъ положилъ на столъ хлѣбъ; Семіонъ ощупаль хлѣбъ, поцѣловаль его, но тоже отодвинулъ. Поклонился Петръ и сталъ говорить, какъ неправедно божій серафимъ вынулъ у бѣдной вдовы душу и какъ осиротилъ неповинныхъ передъ Богомъ ея малыхъ дѣтей. Семіонъ выслушалъ, задумался и отвѣтилъ: «Вы пришли ко мнѣ судиться?» — Такъ, честной отче! — «Вы заспорили?» — Заспорили. — «Ну, слушайте же, добрые люди; не нужно мнѣ ни вашего сребра, ни злата, ни всякаго яства; а скажу вамъ, по чистой, по правдѣ; у отца-матери, а особливо еще съ достаткомъ, дѣти выходятъ иной разъ — куда хуже злыхъ, ненасытныхъ псовъ, — лѣнтыи, негодники и моты, — а какъ сами станутъ трудиться, въ потѣ лица добывать божій хлѣбъ, — куда скудное сиротство бываетъ лучше богатаго родства!» — Богъ отвѣтилъ: «Праведно разсудилъ ты, Семіоне! и какъ судъ твой свѣтель, чтобъ и ты такъ же увидѣлъ свѣтъ!» — Семіонъ тѣмъ же часомъ

прозрѣль. А когда, спустя сколько лѣтъ, Богъ и Петръ опять шли по землѣ и завернули въ большое село, на ярмарку, смотрятъ, имѣ на встрѣчу ѣдетъ судія, съ нимъ полковникъ и богатый купецъ. Передъ церковью они снимаютъ шапки, Богу молятся, нищимъ милостыню подаютъ. — «Угадай, — сказалъ Господь Петру: что это за люди ѣдутъ?» — Важные, видно, господа. — «Важные? то дѣти — сироты убогой той вдовы» — сказалъ Господь: тебѣ думалось, я ихъ, за добро матери, покаралъ, — а видишь, стали на свои ноги, трудились и въ люди вышли... могъ ли я помиловать ихъ лучше?

Лоцманъ замолчалъ. Не отзывался нѣкоторое время и его собесѣдникъ.

— Сторія опять-таки важная, — проговорилъ онъ: только какъ же это? Милосердный Господь сотворилъ землю, небо и весь великій міръ... Зачѣмъ же ему было о людяхъ узнавать отъ другихъ? развѣ и такъ онъ не знаетъ всего?

Лоцманъ не отвѣтилъ. Съ рѣки, въ это мгновеніе, донесся странный звукъ, точно вдали, въ темнотѣ, кто звалъ на помощь и ти-

хо стоналъ. У берега, какъ бы отъ проплывшей гдѣ-то лодки, плеснула волна.

— Чайки уже проснулись! — сказалъ, вслушавшись, лоцманъ: завтра будетъ тихо и тепло... Ты говоришь, зачѣмъ? и я такъ бы думалъ, — а знающіе толкуютъ не то... На что батько былъ разумный, а разъ тоже, какъ и мы теперь, передъ самою свѣтлою заутренней, — сидитъ это на берегу и думаетъ, — люди по божьимъ храмамъ, скоро «Христось воскресе» запоютъ, понесутъ кресты и свѣчи вокругъ церквей, — а онъ одинъ, какъ перстъ... и вдругъ видитъ... Одначе, стой! что-то, и въ самомъ дѣлѣ, плыветъ... такъ и есть... почта!

Лоцманъ направился къ берегу. Въ тишинѣ ясно слышался мѣрный плескъ весель. Что-то темное близилось и надвигалось отъ рѣки. У песчаной отмели обрисовался бортъ казеннаго баркаса. На берегъ стали выгружать почтовые тюки.

— А кому ѣхать? садись! — слышался окликъ отъ рѣки.

Я взялъ свою поклажу, вышелъ изъ куреня, поблагодарилъ лоцмана за ночлегъ и, въ

передразвѣтныхъ сумеркахъ, поплыль черезъ стихшую, плавно-колыхавшуюся рѣку.

Баркасъ чуть переваливался. На палубѣ стоялъ низенькій, бородатый дѣдъ, очевидно, собесѣдникъ лоцмана. Опершись на посохъ, онъ пристально взглядывался за рѣку и крестился. На противоположномъ, еще невидномъ въ туманѣ берегу, вправо и влѣво по взгорью, двигались огоньки церковныхъ крестныхъ ходовъ. Благовѣсть воскресной заутрени торжественно гудѣлъ и далеко разносился надъ городомъ и по рѣкѣ.